

ИСКУССТВО
НАУКА
ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВАЖНЕЕ,

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ДМИТРИЯ БАКА

ЧЕМ

МУЗЕИ
ТЕАТР
КИНО
ИНТЕРНЕТ
ЯЗЫК
ПОЭЗИЯ
КНИГИ

ПОЛИТИКА

Коллектив авторов
Дмитрий Петрович Бак
Важнее, чем политика – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18151935

ISBN 978-5-4474-6595-7

Аннотация

Во второй сборник по материалам цикла встреч «Важнее, чем политика» вошли самые яркие беседы студентов и преподавателей НИУ ВШЭ с деятелями культуры и науки: Б. Акуниным, М. Кронгаузом, Вяч. Вс. Ивановым, М. Лошак, К. Райкиным, Д. Перушевым (директором «Арзамаса»), А. Архангельским и др. С 2007 года по сегодняшний день состоялось более 50 встреч, посвященных ценностям и вызовам нового времени. Предисловие и заключение к книге написаны руководителем проекта Дмитрием Баком.

Содержание

Несколько слов от редактора	5
Культура имеет значение: факты, оценки, прогнозы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Важнее, чем политика – 2

© Joaquim Alves Gaspar (в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported), Алексей Трошин (в соответствии с условиями лицензий GNU Free Documentations License, Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported и Creative Commons Attribution-Share Alike 1.0 Generic). Moscowjob.net (в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-Share Alike 4.0 International), фотографии, 2016

Редактор-составитель Дмитрий Петрович Бак

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов от редактора

Встречи из цикла «Важнее, чем политика», организованные фондом «Либеральная миссия», проходят в Высшей школе экономики уже несколько лет. За это время сформировался достаточно обширный круг заинтересованных слушателей и участников, набрал баллы популярности сайт, на котором регулярно выкладываются видеозаписи и тексты встреч. Проект начался под руководством Евгения Ясина и Александра Архангельского, по итогам нескольких сезонов была выпущена книга. Во многом личностью первого ведущего проекта, известного журналиста, прозаика, телеведущего Александра Архангельского был обусловлен уникальный формат встреч с учеными, артистами, общественными деятелями, которые приглашались на вечера. В отличие от многочисленных циклов публичных лекций и творческих встреч, с большим либо переменным успехом идущих в разных культурных институциях Москвы, это была прежде всего яркая журналистика – динамичные диалоги, стремительный переход от частных творческих биографий гостей к общим вопросам жизни и культуры, непредубежденный и в то же время заинтересованный анализ разных точек зрения и общественных позиций. «Ясин плюс Архангельский плюс...» – эта ёмкая формула в абсолютном большинстве случаев давала в результате яркий содержательный

результат, всякий раз уникальный, на мой взгляд, недостижимый никаким иным образом, не способный существовать помимо алгоритма встреч в рамках цикла «Важнее, чем политика».

В заглавии проекта, конечно, присутствует некая продуманная лукавая двусмысленность. Нет-нет, речь на вечерах действительно никогда не заходит о политических позициях как таковых, не бывает разговора о том, какая из парламентских либо иных партийных платформ более, а какая менее приемлема, близка тому или иному конкретному герою вечеров из цикла «Важнее, чем политика». Вместе с тем, какие бы конкретные проблемы ни обсуждались, нить беседы всегда приводит к современной *культурной* политике, к обсуждению вечных и вечно насущных вопросов о точке пересечения интересов и поведенческих стратегий личности, общества, государства.

Формат встреч проекта «Важнее, чем политика» задуман таким образом, что главный герой разговора, рассказывая о себе, о собственном профессиональном опыте обязательно переступает границы присутствия конкретного человека в конкретной профессии. Это происходит двояким образом. С одной стороны, гость очередного вечера непременно задастся вопросом «а зачем я, собственно, все это делаю?» – помимо зримых результатов работы, ее общественного значения и профессиональной репутации. Личностное обоснование необходимости труда, экзистенциальное измерение мно-

голетних и целенаправленных усилий человека необыкновенно важно, незаменимо – подобно знаменитым вопросам философа-сибарита Обломова, обращенных к идеальному деятелю Штольцу: «Из чего же ты бьешься, если цель твоя не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть?...»

С другой стороны, все гости вечеров цикла «Важнее, чем политика» неизбежно ставят вопрос об общественном смысле своей профессии в целом, а вовсе не только применительно к личному опыту. Именно это сочетание экзистенциального и социального, приватного и общезначительного, напряженный и представленный в виде своеобразного моноспектакля поиск абсолютно разными известными деятелями культуры точек сопряжения личного и публичного и представляет собою продуктивный смысловой центр цикла встреч «Важнее, чем политика», его концептуальное ядро, на протяжении многих уже лет обеспечивающее неослабевающий интерес зрителей.

Несколько лет назад, по предложению основателей проекта, я согласился сменить Александра Архангельского в роли ведущего. Это было ответственное решение, потому что хорошее, крепко поставленное дело никак нельзя было свести к инерционной сериальности. Необходимо было постоянно прилагать новые и новые усилия для того, чтобы проект жил и развивался, нравился, привлекал внимание, вызывал дискуссии. Не могу не сказать о том, что работать в проекте мне

радостно и трудно, поскольку кодекс поведения ведущего, при ближайшем рассмотрении, мало чем отличается от роли гостя – та же личная заинтересованность, та же ответственность, то же отсутствие гарантии позитивного результата.

Я сердечно благодарен за постоянную помощь и сердечное сочувствие Евгению Григорьевичу Ясину и Александру Николаевичу Архангельскому, исполнительному директору «Либеральной миссии» Игорю Викторовичу Разумову, а также Ирине Гнездиловой, Татьяне Соловьевой и Александре Гуськовой, без которых моя работа в проекте была бы невозможна.

Представляя на суд читателей второй сборник материалов встреч из цикла «Важнее, чем политика», я испытываю вполне понятные эмоции, вызванные неизбежными сравнениями этой книги с первой, вышедшей несколько лет назад. От души надеюсь, что этот том окажется достойным замысла основателей проекта, поддержит его высокую репутацию.

Дмитрий БАК

Культура имеет значение: факты, оценки, прогнозы

В чем важность и в чем опасность тезиса «Культура имеет значение»? Действительно ли есть готовые, раз и навсегда сформированные национальными культурами политико-экономические траектории развития? Почему на этот тезис так часто ссылаются и люди власти, когда объясняют невозможность разворота к демократии, и скептические либералы, когда подводят идеологическую базу под пессимистический прогноз? Правда ли, что современная Россия сформирована культурой имперской эпохи, помноженной на советский опыт, что не просто накладывает отпечаток на сознание людей, но предопределяет движение в сторону от универсальной демократии? Есть ли в российской культуре то, что имеет другое значение, – ценности свободы, личной ответственности, солидарности? Можно ли опереться на них, не только в «продвинутом» слое? Политики делают ставку на институты культуры как на охранительную силу. А существует ли (не в мечтах либерального меньшинства, а в реальности) у этих институций модернизационный потенциал? Эти вопросы обсуждались на круглом столе в фонде «Либеральная миссия», прошедшем 10 марта 2015 года. В дискуссии приняли уча-

стие Дмитрий Бак, Анатолий Голубовский, Лев Гудков, Даниил Дондурей, Эмиль Паин, Лев Яacobсон, Игорь Яковенко, Евгений Ясин и другие.

Вел круглый стол Александр Архангельский.¹

Александр Архангельский, писатель, телеведущий
«Признав, что есть культуры, склонные к прогрессу, а есть – не склонные к нему, мы распишемся в том, что в России никогда не будет перемен»

Если у кого-то были сомнения в том, что нет ничего важнее, чем культура, что она важнее, чем политика, то жизнь, происходящая здесь и сейчас вокруг нас, доказывает, что они напрасно сомневаются. Именно вокруг культуры сегодня происходят самые существенные процессы, которые измеряют и, возможно, определяют и наше состояние, и наше местоположение в истории, и наши перспективы. Все, что происходило значимого в последнее время, и трагического, и светлого, все связано с дискуссиями вокруг культуры; культуры понимаемой широко.

Конечно, это и искусство, но не только искусство. Это вся сеть институтов, которые производят смыслы, которые отвечают за ценности: от трагедии «Шарли Эбдо» до митинга в Грозном и от бесконечно варьируемых рассуждений на тему «нельзя убивать, но они сами виноваты» до «Левиафана».

¹ По материалам сайтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и фонда «Либеральная миссия».

Это все про картину, мира, это все про то, что происходит с нашим сознанием, и каким образом из этого сознания вырываются наружу довольно грозные всполохи.

Например, споры вокруг «Левиафана» — они же были не о кино. Более того, можно сомневаться в том, есть ли в самом фильме такая энергия, которая отличала споры о нем. Споры были важнее, чем фильм. Это споры о картине мира, споры о ценностях, споры о том, в каких образах мы представляем себе жизнь здесь и сейчас, жизнь в прошлом и жизнь в будущем.

Следующая по времени история — «Тангейзер». Сегодня судебный иск вынесен в пользу режиссера. Но ведь это же вопрос не о том, кто как относится к конкретной постановке в Новосибирском оперном театре. Это вопрос о том, что мы считаем допустимым, что — недопустимым, где граница, которую мы сами для себя проводим. Мы в каком веке живем и в какой век стремимся? Есть ли автономные области, автономные границы искусства, куда не должна дотягиваться рука судьи? Является ли музей закрытым пространством, которое не может никого оскорблять, потому что для того, чтобы оскорбиться, надо в музей прийти? Может ли храм быть местом, где допустима акция современного искусства?

Все эти вопросы очень важны. И на них нет готового ответа. Но самое существенное, что мы не проговариваем эти вещи. Мы спорим о конкретике, но не доходим до самого существа. Мы не доходим до вопроса о том, кто и как форми-

рует эту картину мира, насколько эта картина мира, формируемая, прежде всего, культурой, совместима с перспективами развития и с шансами на то, чтобы вписаться в будущее?

Когда нет готовых ответов, мы пользуемся готовыми формулами. Сейчас мы тоже воспользовались формулой: «Культура имеет значение». Что она фактически значит, что мы в нее вкладываем? Так ли хороша эта формула, нет ли в ней опасных контекстов и подтекстов? Эти вопросы очень важны, потому что с момента, когда книга вышла в русском переводе в 2002 году (я имею в виду книгу под редакцией Хантингтона и Харрисона «Культура имеет значение») в издательстве Московской школы политических исследований – МШПИ, целая вечность утекла. И МШПИ тоже утекла вместе с вечностью в том виде, в каком она существовала, и вынуждена была эта школа претерпеть целый ряд модификаций, чтобы выжить в ужесточающейся системе.

В какой мере эта формула оправдывает отказ от реформ? Ведь не только либералы ссылаются на нее, но и власть очень часто ее повторяет: культура имеет значение, вот она так сложилась. Нет показателей, которые свидетельствовали бы о том, что российская цивилизация расположена к каким бы то ни было переменам. А если так, то давайте сохранять существующий порядок. Недаром тот же Харрисон предъявил Дмитрию Анатольевичу Медведеву в 2010 году таблицу, согласно которой Россия по всем показателям находится на последнем месте в списке стран, вступивших на путь развития.

И что? Значит ли это, что развиваться не нужно? Значит ли это, что мы прописаны в прошлом и там нам следует остаться раз и навсегда?

В какой мере эта формула пересекается с теми довольно сложными и путанными в философском отношении концепциями, которые идут к Николаю Данилевскому? Или к Шпенглеру с его культурными монадами, к «Закату Европы»?

Не могу отказать себе в удовольствии и вспомню самую, может быть, короткую рецензию в европейской традиции: это рецензия молодого Германа Гессе на выход первого тома «Заката Европы». Она занимает примерно полстранички. Звучит она примерно так: вышла в свет книга, которая произведет переворот в умах европейцев. Все будут говорить о достоинствах этой книги, мы скажем об одном ее недостатке. Главный недостаток этой книги заключается не в том, что там перепутаны все факты. В конце концов, любой историк, пытающийся писать обо всем сразу, путает все на свете. Ее главный недостаток не в том, что автор, в конце концов, превращается в шовиниста. Любой патриот рано или поздно становится шовинистом. Ее главный недостаток заключается не в том, не в том, не в том, а в том, что ее автор слишком серьезно к себе относится.

Это слишком серьезное отношение, в том числе и к формуле «Культура имеет значение», может стать вещью, с моей точки зрения, опасной. Как только мы скажем, что есть куль-

туры, склонные к прогрессу, а есть культуры, не склонные к нему, мы распишемся в том, что в России никогда не будет перемен. А если никогда ничего не будет, то чего тогда, собственно говоря, братья? Если это не так, если мы можем меняться, то на какие культурные институты можно опереться, почему на протяжении долгих лет и даже столетий ничего не получается, почему проваливаются раз за разом попытки что-нибудь с этим сознанием сделать?

Известна гипотеза Юрия Левады, согласно которой советский человек – это явление, оторвавшееся от основы, от советской цивилизации. Будет он еще, как минимум, век (прогнозировал Юрий Александрович) существовать. Но тогда, что нам в эти сто лет делать, чем заняться? Целый ряд вопросов, целый комплекс вопросов, на которые нужно искать ответ. Эти ответы не являются отвлеченными. Это ответы, имеющие отношение к нашей жизни. Вопрос, который встанет перед нами сегодня: возможна ли в России культурная политика и кто является субъектами этой культурной политики? Кто ее вырабатывает, на каких основаниях?

Да, государство предложило Основы культурной политики, но кто-нибудь читал эти основы, кроме присутствующего здесь Анатолия Борисовича Голубовского? Если нет, то зачем тогда это все принимается? А можем ли мы предложить альтернативную культурную политику? Кто, опять же, субъект этой альтернативной культурной политики? Как она может быть проведена в жизнь? Как втягивать в эту культур-

ную практику локальные сообщества, как работать с сознанием следующего поколения, с сознанием школьников? Все это – комплекс вопросов, которые, мне кажется, крайне важно обсудить. И я бы попросил первым выступить Эмиля Абрамовича Паина, поскольку мы затронули его любимую тему: традиция как бывшая инновация.

Эмиль Пайн, профессор НИУ ВШЭ:

«Историческая колея воспроизводится, только если ее целенаправленно поддерживают или восстанавливают влиятельные силы»

Постараюсь быть кратким, отвечая на вопросы, которые сформулированы в повестке Круглого стола.

1. Культура имеет значение – в чем важность и в чем опасность тезиса? Сосредоточусь на опасных последствиях, потому что о позитивных сказано уже довольно много.

Наш круглый стол имеет то же название, что и знаменитый сборник под редакцией Л. Харрисона и С. Хантингтона «Культура имеет значение» («Culture Matters»). Название этой книжки хорошо известно и принимается, равно как и ее идеи, тогда как их критика либо мало известна, либо неприемлема для большинства россиян. Хотя с этой критикой выступали такие известные мыслители современности, как Энтони Гидденс, Юрген Хабермас, нобелевский лауреат Амартия Сен. Последний в 2006 году написал книгу «Identity and Violence» в качестве полемики с концепцией С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и идеями указанного сборни-

ка, названными им «той полуправдой, которая опаснее тотальной лжи».

Основные идеи, которые оспаривают Хабермас и Амартия Сен (а я присоединяюсь к их суждениям), сводятся к критике культурной предопределенности и, в частности, следующих ее аспектов: ограниченности взгляда на модернизацию (социально-экономическая модернизация признается, а культурная – игнорируется); избыточного редукционизма – при сравнении разных сообществ многие факторы, реально обуславливающие их различия (экономические, социальные, политические и др.), не замечаются или не принимаются во внимание. Поэтому излишне много различий приписывают влиянию культуры. Воображаемые сообщества принимаются за реальные, а их членам приписываются одинаковые взгляды. Более всего, по Харрисону и Хантингтону, сходство взглядов людей определяется религией. Но как с этой точки зрения объяснить конфликт России с православной Грузией в 2008 году и нынешний – с Украиной при отсутствии такового с преимущественно мусульманским Казахстаном или Таджикистаном?

Критика культурного детерминизма в России не была услышана, потому что ее не хотели и не хотят слышать. У нас в стране как консерваторы-охранители, так и отчаявшиеся либералы (а их большинство среди тех, кто себя называет либералами) в равной мере поклоняются мифу о культурной предопределенности политико-экономической траекто-

рии развития. Почему среди российских либералов так много сторонников культурного детерминизма? Сегодня скажу лишь, что по классификации Хабермаса большинство из приверженцев таких позиций были бы на Западе отнесены вовсе не к либералам, а к правым неоконсерваторам. Об этом можно прочесть в книге Хабермаса «Критика неоконсервативных взглядов на культуру в США и ФРГ».

2. Есть ли готовые, раз и навсегда сформированные национальными культурами политико-экономические траектории развития? Нет, и это видно на примере однотипных политических режимов, возникших в разных и очень непохожих друг на друга культурах.

В XX веке появились мобилизационные политические режимы в тоталитарных обществах, обожествляющих вождя и политическую утопию. Это произошло в католической Италии при дуче, в преимущественно протестантской Германии при фюрере, в безбожном СССР при вожде народов, в конфуцианском Китае при Мао, в буддистской Камбодже при Пол Поте, в исламском Иране при Хомейни и т. д. Национальная культура при этом имела значение: она не ломала политической модели, но придавала ей особый национальный колорит.

Например, германский нацизм появился в стране, прошедшей этап становления рациональной бюрократии, отличавшейся почти культом порядка. А итальянский фашизм появился в стране, где традиционно не почитался порядок

и свирепствовала мафия. Разумеется, такая традиционность сильно мешала эффективности мобилизации, хотя и не оставляла ее — фашизм в Италии продержался вдвое дольше, чем в Германии. В СССР были преграды для мобилизации, похожие на итальянские, но они компенсировались возможностью высоких затрат демографических ресурсов: чем меньше порядка, тем больше затрат человеческих жизней. Это, кстати, стоит иметь в виду тем, кто ориентируется на восстановлении колеи мобилизационного общества в России.

Сейчас у этой модели нет тех возможностей развития, которые были при Сталине. Правда, появились новые ресурсы в виде мощнейших информационных технологий, но без экономических и демографических ресурсов эта колея невозможна. Сегодня возможна лишь виртуальная мобилизация зрителей, которые мысленно почти тотально готовы поддержать любимого вождя, но не сходя с дивана, например, в телефонном социологическом опросе. А уже для организации Антимайдана и для других массовых действий в поддержку власти приходится нанимать клакеров или сгонять безыдейных статистов с помощью административного ресурса. О возможности же использовать мобилизацию для модернизации, хотя бы в архаичной форме индустриализации (строительства новых «Днепрогэсов»), и говорить нечего — это утопия.

3. Почему российские власти часто опираются на идеи

культурной предопределенности траектории развития и особого пути России? Совсем не часто, напротив, в российской истории крайне редко поддерживали такую идею.

Ричард Уортман писал, что за три века во всей династии Романовых только два царя использовали миф национальной исключительности и как-то противопоставляли себя Европе. Оба они имели для этого личные основания – Николай I после восстания декабристов, франкофилов, и Александр III, после убийства своего отца террористами-западниками. Впрочем, и у них народность и антиевропеизм были сугубо имитационными, «только для запаха»: большую часть времени оба императора жили в Петербурге как европейские монархи, общались со своими немецкими и английскими родственниками и лишь изредка изображали из себя русских московских царей, использующих византийские ритуальные аксессуары. Да и Сталин, как и его наследники, не напирал «на особый путь». Какой же он особый, если надо было защищать утопию мировой революции и глобальной победы коммунизма? Так что «особый путь» – вообще не колея для России, это боковая дорожка, сильно петляющая.

4. Правда ли, что современная Россия сформирована культурой имперской эпохи? Для начала стоит определить, что значит «сформирована», как сформирована культура. В современном российском политическом дискурсе наблюдается шизофреническое сочетание двух противоположных парадигм. Одна суперконструктивистская – «теория загово-

ра», согласно которой все важнейшие события конструируются в неких секретных штабах узкой группой злоумышленников. А другая, напротив, суперэволюционистская – с сильным преувеличением роли естественности развития, естественной эволюции, или, как это называл Энтони Гидденс, «механической эволюции», – когда история воспринимается как программа, которую когда-то запустили, а остановить не могут.

Между тем еще в начале 1990-х годов Гидденс весьма убедительно показал, что в эпоху модерна уходит представление об истории как судьбе и возникает образ истории как постоянно обновляемого процесса, быстро меняющегося под напором современного «социального действия». Слабеют длительно транслируемые исторические традиции, но все большую роль играют искусственные, «изобретенные традиции». Храм Христа Спасителя не сохранился, это «новодел». Его создали на наших глазах. И империя не сохранилась – ее вручную восстанавливают на наших глазах, разумеется, из остатков исторического культурного материала, который можно назвать имперским синдромом. Но завершенность этого проекта будет зависеть от нашего содействия либо противодействия. Историческая колея воспроизводится, только если ее целенаправленно поддерживают или восстанавливают влиятельные силы.

5. И последняя моя реплика на вопрос о возможности альтернативной культурной политики, формируемой сни-

зу. В коммунистической Польше, особенно в правление Гомулки, которого называли «маленьким Сталиным» (1956—1970 гг.), полякам активно промывали мозги коммунистической идеологией. Сегодня в ЕС не найти страны, в которой бы так последовательно, как в Польше, проводили бы новую культурную политику. Она называется «политика памяти», а я бы ее назвал «политикой смены памяти». Речь идет о внедрении в массовое сознание негативной памяти о коммунизме и временах подчинения империи.

Понятно, что это политика «не снизу», она от государства. Вообще снизу могут появиться только «локальные образцы культуры», а для того чтобы они стали общенациональными, нужно целенаправленно распространять их через общенациональные институты – государства, политические партии, медиа. В нашей «вертикальной» стране нормы распространяются только сверху вниз. Московский диалект не случайно стал основой русского языка, – не вологодский и не курский, а столичный. Нормы урбанизированной культуры (нуклеарная семья, малое число детей, эмансипация женщин, высокая территориальная подвижность и др.) распространялись из крупнейших городов в малые, а затем в села. Сверху вниз распространились все современные бытовые нормы.

Наш сегодняшний круглый стол – из цикла «Важнее, чем политика». Это название красивое с поэтической точки зрения, но логически неубедительное. Если рассматривать задачу противодействия общества авторитаризму и тоталита-

ризму, то в ее рамках культурная, просветительская деятельность – это часть политики, ее инструмент. В мировой истории эпохи модерна обычно просвещенная часть общества с уже модернизированной культурой добивалась изменения социально-политических условий и тем самым создавала возможность для следующих перемен – изменения культурной политики, рассчитанной на массы. Ожидание массовых перемен в культуре до изменения политических условий – это утопия. В комплексной терапии от рецидивов авторитаризма и тоталитаризма культура имеет значение, занимая свое важное место. Но не первое, а в ряду с другими инструментами политики.

Александр Ахангельский: У меня вопрос, предполагающий, может быть, короткий ответ. Есть анекдот на тему того, что нам делать, какие шансы на перемены; так вот один вариант там реалистический: ангелы спустятся с неба и сделают все за нас. Другой фантастический – мы все сделаем сами. Но мы с вами видим то, что происходит вокруг нас. Вот проходит миллионный митинг в Грозном. И нельзя сказать, что людей туда согнали под дулом автомата. А в называющей себя православной части России идут бесконечно более тихие, менее агрессивно выраженные разговоры о том, что, конечно, убивать людей нехорошо, но «эти» сами наравались, значит, сами виноваты. И это массовое явление. Можно сказать, что власть все это раздувает, но эта искра живет здесь без всякой власти. Какие шансы, что ангелы спустятся свер-

ху и проведут какую-то другую, принципиально иную политику?

Эмиль Паин: Знаете, я не обещал оптимизма, но и пессимизм мои суждения не должны навевать. Поскольку я настаиваю на отсутствии предопределенности и привожу примеры мобилизационного типа управления обществом в разных странах. Хочу подчеркнуть, что мобилизация общества во всех приведенных случаях достигалась не столько принуждением, сколько любовью. Всенародно любили Мао, Сталина, Хомейни, Муссолини и дюжину других вождей, и во всех этих случаях никого не сгоняли на митинги поддержки, а дамы искренне «в воздух чепчики бросали». Но ведь мобилизационные режимы по историческим меркам самые недолговечные. Тоталитарные общества, сплавляемые мобилизацией, куда менее устойчивы, чем авторитарные, основанные на демобилизации, когда народу говорят: «Спите спокойно, государь думает о вас, а когда понадобится (скажем, для голосования) вас вызовут».

Мобилизационный режим недолговечен, поскольку, во-первых, выстроен под конкретную фигуру, которой при жизни нет альтернативы, а после – нет достойной замены (вечных вождей пока не делают); во-вторых, он держится на эмоциях, а они переменчивы. Дуче в 20-е годы был сильно любим народом (свои 86% он бы точно получил, если бы тогда практиковали массовые опросы), а в начале 40-х тот же народ демонстрировал разочарование. От любви до ненависти

один шаг. Ныне все процессы ускоряются, и я думаю, что жизнь мобилизационных режимов сейчас измеряется уже не десятилетиями, а годами.

Александр Архангельский: Вы не боитесь, что ненависть будет не к тем, на кого бы вы хотели ее направить?

Эмиль Паин: Боюсь, конечно. Это стихийный процесс. К тому же мы с вами даже пытаться не будем манипулировать ненавистью, которая может распространяться в любом направлении. Только в истории после эпох мобилизационных режимов массовая экзальтация, в том числе и ненависть, обычно выдыхалась или прорывалась спорадически бунтами уходящей натуры.

Александр Архангельский: Лев Дмитриевич Гудков, может быть, вы продолжите? Замеряется ли эта традиционная ставка на традиционные ценности, на традиции придуманные, на архаические модели сознания? Это живет в подсознании или это нечто, что провоцируется сверху? Когда заходит речь про традиционные ценности, я всякий раз с некоторым злорадством вспоминаю то, что недавно обсуждалось всеми, – Кончита Вурст, бородатая женщина. Нет ничего более традиционного в европейской средневековой культуре, чем бородатая женщина на ярмарке. Бородатая женщина – это воплощенная традиционная ценность.

Лев Гудков, директор Левада-Центра:

«Наша власть инструментально использует культурные значения, символы, наспех созданные мифы

для собственной легитимации»

Спасибо. Я в данном случае соглашусь с Эмилем Абрамовичем. Говорить о «традиционных ценностях» в России – это нонсенс. Ничего из того, что можно было бы назвать этим словом, в социологических исследованиях не фиксируется, включая религию (православие). Такого рода представления – компенсаторные идеологемы или мифы нового времени. Мы видели, как они возникали. Двадцать пять лет назад, когда мы проводили первый опрос, всего 16% называли себя верующими. В середине 2000-х годов эта цифра поднялась до 77% и остается примерно на том же уровне декларативных заявлений. Сейчас этот показатель чуть-чуть снижается. Что произошло, если говорить о «традиционной ценности» такого рода? Произошло изменение самоидентификации. Были «атеисты» и «советские люди», стали – русскими и православными. При этом никакого глубокого усвоения христианской этики, христианского мировоззрения не произошло. Хотя бы потому, что этому некому было научить. Священников слишком мало для того, чтобы вести всерьез евангельскую миссионерскую работу, преподавать основы православия или хотя бы христианской философии для основной массы населения. Поэтому что удивительного в том, что 40% из тех 77%, которые считают себя «верующими» и «православными», а значит – «русскими», не верят в Бога, в Страшный суд, в спасение души и прочее, прочее. Они просто этого не знают. Они заходят в церковь дважды

в год, ставят свечечки и все.

Это не традиционное, а новое – магическое или суеверное сознание. Как Эмиль Абрамович говорил, это – новодел, суррогатные подделки под традицию, идеологемы, образцы для идентификации и т. п. Но то, о чем я хотел говорить, не столько о традиционных ценностях, сколько просто о культуре. Я – веберианец. Первым социологом, который заговорил о «социологии культуры» (что тогда звучало вызывающе) и создал свою «понимающую социологию культуры», был Макс Вебер. Его методологические принципы исследования включали не просто историзацию смысловых структур для того, чтобы иметь возможность понять, как возникли те или иные культурные значения, но и то, какую роль они играют в структуре социального взаимодействия. Тем самым он радикально заявлял, что никакой культуры как метафизической сущности или целостности нет. А это значит, что «культура» не обладает собственной структурой.

Это принципиальная вещь. В этом смысле можно провести аналогию культуры с языком. Существуют словари, тезаурусы, словесные запасы и прочее. Но язык существует сам по себе, в словарях его нет. Язык актуализируется в речи, в речевой деятельности. Соответственно, мы имеем дело с массой диалектов, социолектов, жаргонов, стилей и языков – письменных, академических, локальных, повседневных, профессиональных, субкультурных, литературных, сце-

нических и многих других. Поэтому встает вопрос: где, собственно, существует культура или где она актуализируется и, соответственно, когда она возникла?

Культура – историческое понятие. Как субстантивированное существительное оно возникло лишь в конце XVIII века и было зафиксировано в словаре немецкого лингвиста Иоганна Кристофа Аделунга. Культуру он определял как совокупность всех сил, физических и духовных, способствующих совершенствованию и облагораживанию человеческой природы. Здесь подчеркивается способность людей или групп ставить перед собой идеальные цели и достигать их. Эта идея культивирования, совершенствования способности проектировать свою жизнь или жизнь «народа» проходила через весь XIX век и умерла примерно к его концу.

О смерти культуры первый сказал Ницше, еще до Макса Вебера. Вебер, собственно, всерьез принял его тезис «переоценки ценностей», что затем стало идеей культуры как «борьбы богов»; плюрализм культурных ценностей, а значит – невозможность их представления в виде замкнутой и определенной системы, как это было, например, у Риккерта. Для Вебера культура – это совокупность тех значений, которые организуют действия. В этом смысле культура – тезаурус смыслов и значений. Это ценности или идеи, которые сами по себе «бессильны», – он перефразирует Канта, – но они являются стрелками, дорожными указателями для социальных интересов. А вот социальные интересы (это групповые

интересы, институциональные), они-то и дают мотивацию действию, поведению.

В этом смысле мы имеем дело с комбинацией социальных интересов и идей. Только в этом поле и происходят взаимодействия и какая-то организованная деятельность. Поэтому культуру не имеет смысла гипостазировать, «опредмечивать» и рассматривать как некоторую внеисторическую целостность. Она в каждый исторический момент может менять свою конфигурацию под действием политических, экономических и социальных сил.

Лучшим критиком этой идеи статичной, традиционной культуры является сам Вебер, его социология религии. Он утверждал, что Китай никогда не станет развитой современной страной, потому что там конфуцианство вступает в противоречие с современными технологиями. Там невозможен современный рациональный капитализм. Мы сегодня видим обратное: может быть, современный капитализм там невозможен, но рационально организованное капиталистическое производство вполне существует и развивается. Поэтому надо каждый раз смотреть на ту институциональную или групповую структуру, которая берет из некоего воображаемого фонда, именуемого «культурой», те идеи, которые соответствуют доминантным группам, использует их. Никакой предопределенности в этом нет, а есть конфигурация идей и интересов. Соответственно – каждый раз мы должны спрашивать, как, зачем появилось (сложилось, взято) именно такое

сочетание идей.

Поэтому Эмиль Паин прав, когда говорит, что культура – дело того института, который принимает на себя функцию формирования коллективного целого. Во многих случаях это не обязательно будет государство. В истории такую роль в некоторых странах играл университет, который создается общественностью, или национальная библиотека, или национальное движение, предлагающее свой проект национальной культуры, структурирование национального целого. Так было в Германии, по крайней мере, так было в Польше, отчасти в Швеции и в других случаях.

Теперь что касается нашей крайне противоречивой ситуации. С одной стороны, мы имеем дело с постоянными импульсами модернизации, но «догоняющей модернизации». В этом смысле никакой значимой традиционной культуры у нас нет. Образ «будущего» обусловлен идеализированными или идеологическими культурными проектами, заимствованными с Запада. Еще Карамзин говорил о Европе, что это столица и сокровищница ума и всех человеческих достижений. Для нас Европа, Запад – это всегда светоч, ориентир или даже горизонт, который осознается как недостижимый. Поэтому все время существует напряжение между мечтой о современном обществе и трезвым пониманием степени ее реализуемости. Не в том смысле, что это только мечта, но с пониманием, что реализация этой мечты ведет к эрозии системы власти, единственной легитимационной легендой,

которой оказывается только «великое прошлое» или некий ее суррогат, «сакральная скрепа» и прочее.

Другими словами, эту возможность реализации современного проекта блокирует архаическая структура власти, не допускающая процессов структурной дифференциации и, соответственно, ухода каких-либо групп или институтов из-под своего контроля. И это вот главная проблема: кто обеспечивает саму организацию культуры или саму организацию государственной политики в области культуры.

И в наше время, и в сталинское, и в позднее советское время мы имеем дело с инструментальным использованием культурных значений, символов, наспех созданных мифов, для легитимации системы власти. Манипулирование такого рода носит совершенно утилитарный, беспринципный характер. Культура (наборы культурных значений) препарируется так, как это удобно с точки зрения интересов власти. Одни радикалы символических систем принимаются, другие – запрещаются и вытесняются из коллективной памяти. Никакой рационализации прошлого или настоящего это не предполагает. Значит, нет ни идеи «всеобщего блага», ни этики «возвышенного», а, следовательно, и «низкого». Раз нет такой системы, то не будет и соответствующей рамки координат для оценки положения вещей, не будет идеальной мотивации.

Но это власть не волнует, поскольку она не ставит во главу угла идею развития. У нее, как и, вообще говоря, у современ-

ного российского общества, нет идеи будущего, но есть идея и интересы консервации, сохранения существующего положения вещей или, другими словами, «стабильности», неизменности, враждебности интересам «национального целого» любого варианта изменений или реформ. За идеей «псевдопрошлого», «неотрадиционализма» скрываются интересы крайне архаических институтов власти. Все они действительно ориентированы и построены с одной целью: консервации систем контроля, сохранения тех институтов, на которые власть опирается, которые влияют определенным образом на культурную политику. Мединский здесь, понятно, лучший пример, но и политика образования, в принципе, такая же идеологически рутинно-консервативная, по крайней мере, если брать гуманитарные дисциплины. Школа как институт практически не изменилась с советских времен, она воспроизводит ту же основную схему истории, что и в позднесоветский период.

Поэтому нынешняя, даже не только нынешняя, но и вся постсоветская, система господства направлена на нейтрализацию независимых источников влияния и авторитета, стерилизацию любых культурных, то есть смыслопроизводительных групп. Если мы посмотрим внимательно, то у нас только власть может с полным авторитетом утверждать, что правильно, а что недопустимо, какая история должна быть, и в чем ее истинность. Власть наделяет себя статусом и способностью раздавать те или иные значки, говорить,

что «элитой» является только тот, кого она назначает в элиту, кого она признает и награждает и так далее.

Эта система самодержавной власти потому оказывается архаической, что она не допускает рядом с собой других самостоятельных источников авторитета (смыслов, ценностей). В этом она является антиподом европейского проекта модернизации, европейского проекта и просвещения, и гуманизма, и культуры, которые как раз требуют многообразия ценностей («борьбы богов»). Поэтому российская власть и воспринимается как репрессивная, потому что она держится на насилии, на стерилизации действительно Другого, на унижении Другого, на дисквалификации ценностей частного, то есть независимого от нее, существования. И это производит жуткий эффект деморализации общества.

Если мы посмотрим на нынешнюю литературу или кино, то, должен вам сказать, мы получим, как ни странно, удивительно точный социальный диагноз, лучший, чем дает нынешняя социология, я не говорю уже о политической науке: мы увидим, что литература или кино нам представляют образ некроза высших ценностей. Это общество в состоянии аномии. Возьмите Балабанова «Груз 200», «Брат-2», «Елену» Звягинцева или тот же его «Левиафан», «Жила-была одна баба» Смирнова, ну и прочее, не говоря уж о «маскультурных» продуктах по ТВ, всех этих сериалах, где идет такой поток тотального цинизма и демонстративного издевательства, уничтожения ценностей. Но это не потому, что

авторы – культурные садисты, а потому что они вынуждены воспроизводить, даже не очень стараясь как-то приукрасить ее хорошими, правильными героями, именно эту ситуацию повседневного, бытового, диффузного, или капиллярного, насилия. Они, не зная, что говорят социологической прозой, выражают состояние аномии, некроза высших ценностей российского общества.

Осознать это чрезвычайно важно. Никто этим, к сожалению, не занимается, а это поразительная вещь. В нашей культуре полностью отсутствует образ будущего, а значит утрачена способность ставить трансцендентные цели, обозначать хотя бы чуть более высокий уровень запросов к жизни, который бы поднимался над потребительским обществом.

У нас, повторяю, нет образа будущего. Это чрезвычайно важно. Есть образ мифического прошлого, конструируемого из идеологических соображений для легитимации тех же самых институтов, но образа будущего нет. И это, мне кажется, собственно, и составляет драму нынешней ситуации. Отсюда эти консервативные фантомы неотрадиционализма, суррогатного прошлого. Нынешняя социально-политическая ситуация все ближе к тому, что я склонен считать и называть «русским нацизмом». Сложились все элементы такого рода репрессивной системы: идеи разделенной нации, идеи приоритета государственных интересов над ценностями частной жизни и прочее.

Я уже не говорю о том, что сама система власти опира-

ется на привычные, оставшиеся еще от советского времени институты насилия – это правоохранительные органы, это политическая полиция, пронизывающая все структуры, это средства массовой информации, превращенные в орудие пропаганды. Поэтому диагноз, вообще говоря, надо ставить не культуре, а институциональной системе, и он тяжелый. Путинское поколение, то есть молодежь, которая сформировалась за эти пятнадцать лет, полностью развращена. Можно считать, что это поколение для национального развития России уже потеряно. Соответственно – нельзя рассчитывать, что в течение ближайшего времени может что-то кардинально измениться. Поэтому надо ставить задачи совершенно другого рода – не мобилизации либералов, не мгновенного изменения, а расчета на долгое время, на долгую работу.

Во-первых, это, конечно, должна быть работа с прошлым, рационализация прошлого, вытаскивание из него причин нынешнего состояния. А во-вторых, если говорить об институтах или социальных формах, которые могли бы помочь выйти из нынешнего тухлого состояния, то, как ни странно, это дискуссия. Публичная дискуссия – единственная форма, в которой возможна артикуляция проблем, представление новых ценностей, выработка новых смыслов, потому что сегодня их нет.

Евгений Ясин:

«Надо понимать, что мы живем на переломе куль-

тур»

Я, вероятно, с годами глупею – это выражается в том, что я продолжаю придерживаться оптимистических взглядов. И это несмотря на скепсис моих любимых друзей, а также моей любимой дочери – вы слышали уже некоторые выступления. Они люди образованные, очень умные, но я как-то не могу брать с них пример пессимистического отношения к действительности.

Так вот, когда начинались наши реформы в 90-х годах прошлого века, я был твердо убежден, что мы должны провести преобразования таким образом, чтобы, как это, например, произошло в Польше под руководством Бальцеровича, построить в России рыночную экономику и политическую демократию. И такая задача меня вполне устраивала. При чем я понимал, что имею отношение к рыночной экономике и не разбираюсь в демократии, поэтому рассчитывал на тех моих сограждан, которые в этом деле понимают больше меня.

Прошли реформы. Потом был период до 1998 года, который иногда казался весьма успешным, страна вроде чего-то добивалась. Но потом этот период кончился. И у меня появилось ощущение, что все пропало. Я не представлял, кто может заменить Гайдара, Чубайса, Немцова как лидеров, которые развивали рыночные и демократические отношения. Заметьте, я слово «культура» еще ни разу не произнес. Как-то же это получается в других странах, думал я. Подождем,

что из этого выйдет.

Я переживал, потому что все было явно не так уж хорошо. Но затем начались позитивные процессы. Вместо Примакова у власти оказался Путин, и я этому радовался. Я голосовал за Путина, когда он баллотировался первый раз в президенты. Но с момента ареста Ходорковского у меня позитивные настроения улетучились. И вот именно тогда мне попал в руки сборник под редакцией Харрисона и Хантингтона под названием «Культура имеет значение».

Идеи, изложенные в этой книге, в особенности суждения Харрисона, моего друга, показались мне очень убедительными. И я, наконец, понял многое о нашей стране. В течение 74 лет здесь господствовала коммунистическая идеология, которая для российского развития была противопоказана. В результате Октября мы, по сути, вернулись к другой культуре, к той, которая была до реформ Александра II. Потому что если с 1861 года у нас развивалась европейская культура, то что сделал в итоге коммунизм? Он нас сначала заманивал многообещающими лозунгами и планами, разъяснял, какие замечательные изменения произойдут в производственных отношениях под влиянием развития производительных сил. А получилось так, что мы отъехали назад и соревноваться с развитыми странами Запада уже не в состоянии.

Простите мою наивность. Но я действительно не сразу понял, что либерализовать цены, приватизировать госсобственность, открыть границы и прочее – это только начало.

Ведь продолжали существовать почти все прежние институты, а институты это и есть культура. В конце концов, массовые убеждения, привычки, ценности вытекают из того, что было раньше. И это необходимо учитывать.

Мы живем на переломе культур. И должны понять, что то, что мы хотим получить, это, вообще-то говоря, возможно и в каком-то смысле необходимо. Но, в конечном счете, это будет зависеть от множества разных факторов, которые связаны с нашей культурой, старой культурой, и с коммунистической в том числе. В 90-х годах у меня было смутное представление о том, какая правовая культура нужна нашей стране для того, чтобы она стала демократической. Потом я прочитал у Харрисона, что все это придумали евреи, поскольку они первые сказали, что все равны перед законом и перед Богом заодно. А от Леонида Сергеевича Васильева я узнал, как было в античной Греции. Я имею в виду, как сложилась система, в которой появилась политическая демократия.

Упомяну еще одну книгу – «Насилие и социальные порядки» Норта, Уоллиса и Вайнгаста. Там описывается, как формировалась демократия в Великобритании, во Франции и в Соединенных Штатах Америки. Ни в одной из трех стран этот процесс не отнял меньше ста лет.

Да, реализации той мечты, которую я хотел увидеть в России в свои шестьдесят или семьдесят лет, я уже не увижу. А до 2025 года, боюсь, и вы не увидите. Но те, кто моложе, вполне могут до этого дожить. Я просто не знаю, что имен-

но нас ждет в будущем. Но в том, что в конце концов в России могут сложиться условия, которые сложились в Европе, в передовых странах, где это во многом явилось следствием развития капитализма, я уверен. Это объективный процесс, связанный с развитием современных технологий, изменением характера производительных сил и так далее.

Если вы думаете, что я нашел это только у Маркса, то ошибаетесь, потому что я нашел это также у видных современных экономистов, например, у американца Эрика Маскина. Он делал в НИУ ВШЭ доклад на конференции; кроме того, вы можете прочитать его труды на английском языке, и есть, по-моему, уже переводы на русский. Маскин предлагает: давайте представим себе мировое развитие как некую игру. И продолжает: вот ситуация, когда можно сделать так, чтобы все участники, а там несколько групп, договорились, что они не делают каких-то вещей, которые приводят к ухудшению экономического положения. Если можно где-то выиграть, то только за счет того, что достигается взаимодействие. Если вы начинаете поступать так, чтобы это взаимодействие распространялось шире, то развивается экономика, совершенствуются социальные условия, изменяется общая среда и т. д. Когда все это происходит, мы получаем более высокий уровень развития человечества. Если же каждый будет думать только о своей выгоде, то все окажутся в проигрыше, прогресса не будет.

Думаю, все это имеет отношение к культуре.

Александр Архангельский: У меня вопрос к Ирине Ясиной и к Анатолию Голубовскому. Что делать здесь и сейчас, чтобы столь оптимистический прогноз, что к 2025 году шансы появятся, подтвердился?

Ирина Ясина, журналист, общественный деятель:
«В сознании молодежи сегодня смешаны несовместимые ценности, и это следствие агрессивной пропаганды, которая вытесняет культуру»

Спасибо, во-первых, за возможность высказаться. А во-вторых... Как практик, как человек, который много общается с молодежью, продолжу именно о ценностях. Не буду утверждать, что я большой оптимист. Сказывается, возможно, мой опыт проведения семинаров «Я думаю» в фонде «Либеральная миссия». Среди ребят, которые к нам приезжают, очень мало таких, которые готовы искать ответы на вопросы не с чужого голоса, а самостоятельно, то есть читать книжки, искать сведения в интернете и делать собственные выводы. Есть, конечно, и думающие, свободомыслящие молодые люди. Это за очень редким исключением те, кому повезло с педагогом. У кого рядом есть человек, транслирующий более или менее цивилизованную точку зрения.

На двух последних семинарах я говорила об Украине, просто потому что участники не очень понимают взаимосвязь происходящих там событий. Рассказывая о Черноморском флоте, я задавала два вопроса: что такое пролив Босфор и что такое пролив Дарданеллы и где они находятся?

На эти вопросы ответили только двое из тридцати. Про то, что Турция член НАТО, вообще не знал никто.

Передо мной выступала моя коллега, замечательный преподаватель из РГГУ Мария Штейнман, которая рассказывала про американскую писательницу Айн Рэнд, про ее книгу «Атлант расправил плечи», про идеологию индивидуализма, про американскую мечту и так далее. Никакого неприятия американской жизни и пропагандируемых автором книги ценностей, судя по задаваемым вопросам, рассказ у присутствовавших не вызвал.

Следующей выступала я и говорила про Украину. Про то, что там было в 1918 году, что представляла собой Запорожская Сечь. Я строила рассказ так, что и сама ищу ответы на вопросы, кто хороший, кто плохой, кто виноват в случившемся противостоянии. И тут мы столкнулись с невероятной агрессией по отношению к американцам, «америкосам», как часть слушавших их называли. И это при том, что только что прозвучавшая лекция про американскую идеологию совершенно, повторяю, не выявила подобной агрессии! И я понимаю, что налицо просто некая «зомбированность». Потому что вообще в представлениях молодежи все как будто нормально, но вот конкретно по вопросу Украины мы встречались с тем, что «американские интересы» перебили все. Там мы действительно «воюем с Америкой», как уже было сказано, и не только в нашей фокус-группе.

В том, что к 2024 году, на выходе из наших, так скажем,

подловатых, лет, нас будет ждать поколение с теми идеалами и ценностями, которые мы хотели бы в нем видеть, я отнюдь не уверена. Я скорее согласна с тем, что путинское поколение в значительной степени потеряно. Хотя надо отдать должное ребятам, с которыми мы общаемся и которые приезжают на семинар «Я думаю». Они хотят разобраться. Другое дело, полезут ли они потом в книжки, тем более в географические карты. Но вопросов они задают много, и вопросы в основном не агрессивные.

И последнее. Когда я начинаю семинар, то всегда спрашиваю, откуда вы берете информацию: телевизор, интернет, какие именно сайты? Судя по ответам, телевизор как источник информации, не доминирует в этом поколении, но практически со стопроцентной вероятностью можно говорить, что зомбированный человек, даже если ему двадцать три года, телевизор смотрит. И это просто чудовищно. Не важно, смотрит он телевизор, потому что мама на кухне чистит картошку и кормит его ужином, а в это время там передают новости, или сам соответствующую программу включает, все равно это работает как ретранслятор в «Обитаемом острове». Ну, пожалуй, все. Еще раз отмечу, что существует опасность оболыщения насчет того, что молодые, мол, они умные и они разберутся.

Александр Архангельский: Добавлю от себя. Мы каждый год проводим собеседования в этом самом зале, когда идет прием на факультет коммуникаций, медиа и дизайна,

сразу после проверки творческих работ. Есть области знаний, где уровень ответов еще терпимый, а когда речь про географию – это конец. Географии, по-моему, больше нет как таковой. Что касается потерянного поколения, то если с Маугли не работать, он остается Маугли.

Анатолий Голубовский, культуролог:

«Культура в России недостаточно политизирована, именно поэтому она утратила свои важнейшие функции – критическую и смыслосозидающую»

Я согласен с последним утверждением. Действительно, если с Маугли не работать, он остается Маугли. И возникает вопрос, в рамках какой институциональной среды проводится работа, и какого она содержания, не важно, с Маугли или с ребенком, который вырос в семье. И я понимаю сомнения и опасения Ирины; я сам принимаю творческие конкурсы, оцениваю их результаты и задаю, казалось бы, очевидные вопросы, получая на них совершенно неожиданные ответы. А это связано не только с географией, это связано с историей и, безусловно, с ценностями.

Хотя такое, я бы сказал, фактографическое невежество, которое фиксируется всегда в этих случаях, не обязательно, как мне кажется, сопровождается невежеством как раз ценностным. Иногда у молодого человека, который не знает не только, что Турция член НАТО, а где вообще находится Турция, вдруг возникают какие-то неведь откуда взявшиеся представления о ценностях свободы, ценностях открыто-

го общества.

Чаще, конечно, они возникают из среды, я бы сказал, насыщенной просветительством. Но встречаются и в совершенно, казалось бы, «не унавоженной» образованием почве. И это как раз внушает мне очень осторожный оптимизм. Потому что даже у нас, где традиция, к которой любят апеллировать власти предержащие, прерывалась и изничтожалась наиболее радикальными для XX века и вообще для иудео-христианской цивилизации способами, традиция, все-таки, видимо, каким-то образом прорастает. Неравномерно, безусловно, но прорастает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.